

ЛитРес:

АЛЬБИНА НУРИ

Другие хозяева

Альбина Нури

Другие хозяева

Серия «Тайны уездного города», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64944327

Аннотация

Наконец-то у Миши и Лели, Ильи и Томочки все складывается как нельзя лучше: решены личные проблемы, радуют профессиональные успехи, а в ближайших планах – сразу две свадьбы. Живи и радуйся! Но Быстрорецк – город, полный жутких тайн. Да и прошлое может ворваться в настоящее и лишить будущего...

Ильи не было дома всего неделю, и за это время его жизнь оказалась полностью разрушена, а он и его близкие – в смертельной опасности. Ему предстоит как можно скорее понять, от кого исходит угроза, разобраться, кто друг, а кто враг. А иначе «другие хозяева» окончательно приберут к рукам все, что ему дорого...

Роман «Другие хозяева» – третья книга серии мистических триллеров «Тайны уездного города».

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Леля	11
Глава первая	11
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвертая	40
Глава пятая	49
Глава шестая	59
Часть вторая. Томочка	68
Глава первая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Альбина Нури

Другие хозяева

Пролог

Старуха (почему-то все стали называть ее именно так, хотя она вряд ли была старше шестидесяти) купила Ведьмин дом – и это было ее ошибкой.

Если она хотела как-то прижиться в Юдино, стать здесь своей, то селиться в доме, который все обходили стороной, где никто ни за какие коврижки не согласился бы даже переночевать, не то что жить, точно не стоило.

По селу тотчас же поползли разговоры, которые день ото дня становились все громче и звучали все фантастичнее, но от этого почему-то в них верилось еще сильнее.

– Нарочно Ведьмин дом выбрала – что уж тут говорить? Подобное притягивает подобное, – качала головой Мясникова, бывшая бухгалтерша, а нынче – продавщица в церковной лавке. – Дом-то на отшибе, чужих глаз нету – вот и будет теперь творить свои черные дела!

Даже Зинаида Федоровна, которая работала в поселковой администрации и точно знала, что Старуха купила чуть ли не первый попавшийся дом, который ей просто постарались сбыть с рук пронырливые риелторы – и та уже верила в это.

Хотя своими глазами слышала, как Старуха говорила:

– Мне все равно, что за дом. Главное, чтобы жить можно было и никто не беспокоил.

Собственно говоря, после того, как она въехала в Ведьмин дом, тревожиться о визитерах смысла не было. Дурное место все поселковые обходили стороной – и когда ведьма была жива, и уж тем более после того, как полтора года назад умерла. Семьи и детей у ведьмы не было, имущество отошло дальней родственнице, которая сразу выставила недвижимость на продажу.

– Кто купит-то? – вертели пальцем у виска сельчане.

Однако покупательница нашлась.

Дом был одним из самых богатых на селе, крепкой, добротной постройки: кирпичная кладка, черепица на крыше, водопровод, газовое отопление, окна и двери – все целое. Огород, конечно, зарос сорняками, да и двор был в запустении, но это новую хозяйку не волновало. Единственное, что Старуха сделала перед тем, как перебраться в новое жилище, это пригласила бригаду строителей и велела окружить участок двухметровым забором.

– Какой дурак туда полезет? – снова недоумевали местные, и снова, по всей видимости, оказались неправы.

Старуха зажила тихо, никто понятия не имел, что творилось за каменной стеной, которую она возвела вокруг дома. Сама она носу оттуда не высовывала – один раз заявила в магазин, повертела головой, сморщилась, да и вышла вон с

пустыми руками, так ничего и не купив. Не по ней, видно, товар оказался.

За покупками она ездила в районный центр: машина у Старухи имелась, так что никаких проблем. Богатенькая, видать, была дамочка: и иномарка, и одежда не с вещевого рынка, и дом, как говорила Зинаида Федоровна, купила, не торгуясь.

Как-то раз Старуха выезжала из дома, а Мясникова, которая шла к церкви, поскользнулась неловко и чуть не угодила под колеса. Колея-то узкая, тротуаров нет!

Дело обычное, поохали-поахали, а после Старуха взялась подвезти Мясникову. Та отогрелась в тепле, возьми и скажи:

– Вижу, женщина вы хорошая, уважительная, предупредить хочу. Вы тут человек новый, всего не знаете. Дом-то ваш... нельзя там жить.

– Это почему?

– Вам не сказали? Конечно, кто скажет... – Она поправила коричневую вязаную шапку. – Там до вас женщина жила, так вот она...

– И что же? – поторопила Старуха и поглядела на Мясникову, как на диковинную муху.

– Ведьма была! – выпалила Мясникова. – Сколько народу со свету сжила – не счесть! А в некоторые ночи оборачивалась кошкой с человеческим лицом и бегала по деревне, во дворы забиралась к людям. Кто ее увидит – все, считай, не жилец! Сто лет уж ей было, а помереть не могла никак, ле-

жала и кричала, кричала сутки напролет, проклинала всех, была по-волчьи.

– Может, боли у нее были?

– А если и так – поделом ей! – отрезала Мясникова. – После ее смерти только хуже стало. Не отпевали ведьму: в Бога-то она не веровала, да и как можно? Теперь тело в земле лежит, а душа неуспокоенная так и рыщет по земле! Люди по ночам в ее доме голоса слышали, стоны...

– А кошка? – спросила Старуха, и лицо ее дернулось.

– Что – кошка? – не поняла Мясникова.

– Которая с человеческим лицом. Не появлялась больше, нет?

Тут Мясникова поняла, почему у Старухи лицо перекошилось. Это потому, что она смех удержать пыталась, но потом, увидев вытянутую физиономию пассажирки, больше не сдерживалась и захохотала во все горло.

Так смеялась, что слезы потекли. Форменная истерика, как после говорила Мясникова. Смеется и талдычит одно и то же:

– Какая ирония! Боже мой, ведьма! Надо же!

Что тут смешного, какая такая ирония, Мясникова так и не уяснила. Обиделась, из машины выкатилась, а после всем, кто хотел ее слушать, рассказала, что Старуха – точно не в себе, и с той поры разговоров о том, что она тоже, наверное, ведьмует, ворожит, было уже не унять.

А недели через две или три Старухе, должно быть, стало

не до смеха.

Потому что в одну из безлунных февральских ночей, глухих, ледяных и непроглядных, как заброшенный колодец, Старуха умерла.

Смерть ее, наверное, была нелегкой: Старуху нашли сидящей в кресле-качалке на крыльце, в одной тонкой ночной рубашке, замерзшую насмерть. И не нашли бы, но соседская собака прибежала к воротам и завывала так, что все жители сбежались. Приехала из райцентра полиция, сломали замок, вошли во двор – к тому времени Старуха была мертва уже несколько часов.

Была она страшно худой, даже изможденной, словно давно голодала. Говорили, что на теле Старухи нашли множество ран, которые, по всей видимости, она зачем-то наносила себе сама.

Глаза Старухи были выпучены, губы искусаны в кровь, а руки вцепились в подлокотники так крепко, что разжать их удалось с великим трудом, сломав два пальца.

Кто или что заставило ее выйти раздетой в тридцатиградусный мороз из дому и усесться в кресло? На что смотрели, что видели в ту ночь ее широко распахнутые глаза? Это так и осталось загадкой.

После памятного разговора с Мясниковой Старуху никто больше не видел: ни разу она за ворота не вышла. И до этого была не очень-то расположена к общению, а в последние дни перед смертью и вовсе перестала на люди показываться.

– Ведьма ее с собой на тот свет утянула! – авторитетно заявляла Мясникова. – Заморочила!

– Из дому ничего не пропало? – спрашивали полицейские. Все пожимали плечами, глядя друг на друга: кто ж знает? На первый взгляд все было цело.

Правда, Савка, горький пьяница, которого прозвали Огрызком, утверждал, что кое-что «упёрли»:

– Я как-то видал, ей вещи привезли в фургоне. Пришел, думаю, может помочь чем...

– Ага, помочь! На бутылку, небось, стрельнуть! – смеялись люди.

– А чё такого? Тоже дело! – Огрызок был не из обидчивых. – Так не дали ничего! А ящик я видел! Длинный такой, я еще подумал: гроб! Чисто гроб! Только поменьше. Старуха вокруг него все вертелась: аккуратнее, мол! А сейчас есть он там? Вот скажи, есть? – обращался Савка к очередному слушателю.

Получив отрицательный ответ, с глубокомысленным видом качал круглой плешивой головой:

– То-то и оно! Был – и нету! Грабанули Старуху! Было что-то в том ящике! Как пить дать!

Разговоры не смолкали еще долго: особых новостей в селе никогда не было, так что таинственная смерть Старухи в Ведьмином доме стала прекрасной темой для обсуждений.

А некоторые даже утверждали, что теперь в жутком доме сразу две обитательницы, две хозяйки – старая и новая.

Ведьма и ее жертва. Находились и те, кто слышали, особенно темными ночами, как поскрипывает на крыльце кресло-качалка, в котором и после смерти продолжает качаться покойная Старуха.

Часть первая. Леля

Глава первая

В дверь позвонили. Потом еще и еще.

«Кого принесло в такую рань?»

Леля лежала в кровати, с головой укрывшись одеялом, и мысленно умоляла назойливого гостя оставить ее в покое.

Но звонивший в дверь не унимался, и Леле пришлось открыть глаза. По привычке она посмотрела на настенные часы, которые уже неделю показывали точное время только дважды в сутки, и потянулась за телефоном.

Половина первого. Не такая уж рань. Во сколько же она заснула? Уже под утро, часа в четыре, наверное. Или даже в пять.

Леля вылезла из постели и набросила халат поверх пижамы. Тело ломило, как при высокой температуре. Лечь бы обратно...

Звонок снова резанул по нервам. Человек за дверью не намеревался уходить, пока не поговорит с хозяйкой. Может, это соседи снизу, которых она затопила?

Леля выползла из спальни и прикрыла за собой дверь. Очутившись в коридоре, окинула себя в зеркале равнодушным взглядом. Волосы торчком, глаза покраснели, лицо ху-

дое и бледное. Красотища!

«Ну и что. Пусть им будет хуже!» – мстительно подумала Леля и посмотрела в глазок.

Перед дверью стояла девушка, которая тут же улыбнулась и помахала ей рукой.

– Я вижу, что ты меня видишь! Давай, открывай! Сколько можно человека на лестнице мариновать?

Леля, подавив вздох, повернула ключи в замке.

– Привет, – звонко сказала Томочка, заходя в прихожую. – Спала, что ли? Легла поздно? Ну, ты даешь! В такой день она дрыхнет, как сурок!

Томочка была маленькая, но умудрилась сразу заполнить всю квартиру. Громко, оживленно говорила, шуршала пакетами, которые принесла с собой; гремела замками, притворив входную дверь. Улыбка, запах духов, невидимая, но осязаемая энергия, которая лилась через край – на фоне всего этого Леля почувствовала себя застывшей древней мумией, которую зачем-то вытащили из саркофага.

Убрав пуховик в шкаф-купе, Томочка размотала шарф, сняла с шапку, оглядела Лелю и вздохнула:

– Ты хоть помнишь, что сегодня Рождество?

Леля пожала плечами.

– Я же все равно не праздную. Пост не держала, в церковь не хожу.

Томочка не отводила от подруги долгого взгляда, а потом, будто решив для себя что-то, проговорила:

– Я принесла кое-что. Когда ты ела в последний раз? – Она взяла свои пакеты и пошла на кухню, продолжая говорить на ходу: – Устроим девичник.

Леля постояла, глядя ей вслед.

– Пойду хоть причешусь, – сказала она, – халат сниму.

– Вот это правильно, – отозвалась Томочка, гремя посудой. – Не торопись, я разберусь, где у тебя что лежит.

Они познакомились прошлой весной, и их приязнь медленно, но верно перерастало в настоящую дружбу. Томочка удивляла Лелю все больше. Когда она впервые увидела Томочку, то подумала, что девушка с кукольной внешностью мила, но простовата. Вскоре выяснилось, что силе ее духа и характера позавидовал бы любой мужчина. Кроме того, суждения ее были нетривиальны, она оказалась умна и начитанна, да к тому же обладала добрым сердцем.

После событий прошлой весны, когда Леля, Томочка и Миша спасли Илью от потусторонней сущности, ребята стали много времени проводить вместе, словно ветераны боевых действий, которым есть что вспомнить. Но потом отношения в парах Леля – Миша и Томочка – Илья стали сложными, их четверка распалась. В октябре Леля уехала на преддипломную практику в Москву, а вернувшись в конце декабря, узнала, что в Быстрорецке снова произошло нечто, едва не погубившее Илью и Мишу (*подробнее об этом читайте в романах «Узел смерти» и «Отель «Петровский» – прим. ред.*).

Леля заправила кровать, открыла окно – надо бы проветрить. Умылась, почистила зубы и переделалась в брюки с футболкой. Про то, что сегодня праздник, она, конечно, знала, просто это знание выветрилось из головы за ненадобностью.

Идти в университет ей не нужно, поэтому все равно, выходной день или рабочий. До защиты диплома еще несколько месяцев, а он уже почти полностью написан: нужно только время от времени встречаться с научным руководителем, и встречи эти чисто формальные.

Так что можно валяться в кровати, смотреть мелодрамы, есть мороженое и упиваться жалостью к себе, что Леля с успехом и делала в последние дней пять. Или шесть.

– На человека стала похожа, – одобрила Томочка, увидев вернувшуюся в кухню Лелю.

За то время, что ее не было, Томочка успела накрыть на стол, настрогать салат, нарезать сыр и хлеб с семечками, который обожала, помыть мандарины и поставить разогреваться в микроволновку пироги, которые пекла так, что ум отъешь. Еще на столе красовалась бутылка красного вина и шоколадные конфеты.

– Ничего себе, – удивилась Леля.

– А как же. На тебя какая надежда? – усмехнулась Томочка.

– Позвонила бы, я бы...

– Ты бы наврала с три короба, что уходишь праздновать Рождество к матери, а сама лежала тут и редела в три ручья.

Леля хотела возразить, открыла рот и закрыла. Томочка, конечно же, была права.

– Мама с сентября в Италии. Она ненавидит русскую зиму. И осень тоже.

Да и в другое время года делать ей тут было особо нечего. Марио, возлюбленный Елены Васильевны, жил в Милане, они собирались пожениться, так что в Россию мать приезжала раз в несколько месяцев, чтобы навестить дочь и попытаться уговорить уехать с ней в прекрасную южную страну.

Леля всегда отказывалась, ей и тут жилось неплохо, но в последние дни она стала все чаще задумываться о том, что мама права.

Зачем ей Быстрорецк? Неуютный, пустой. А в избалованной солнцем Италии, может, удастся заполнить новыми впечатлениями пустоту в душе; избыть тоску по Мише, горечь и саморазрушительные мысли о том, что она сама все испортила, сбежав осенью в Москву.

Беда в том, что от себя не скроешься: ни Москва, ни Италия не будут достаточно велики, чтобы потеряться.

Микроволновка дзынькнула, и Томочка метнулась к ней, достала пироги.

– С мясом и рисом, с картошкой и курицей, – с гордостью сказала она. – С утра испекла и сразу к тебе.

– А Илья что? Почему ты не с ним в праздник? – поинтересовалась Леля, усаживаясь на табурет возле окна.

Томочка закатила глаза.

– Я же говорила тебе, он в Питер уехал позавчера. Через два дня вернется. Интервью берет для своего журнала. – Томочка назвала две известных фамилии тех, с кем предстояло побеседовать Илье. – Забыла?

Леля покаянно вздохнула.

– А мама его? – спросила она. Мать Ильи осенью разбил инсульт, и теперь женщина не говорила, правая рука у нее не работала, да и ходила она с трудом, хотя и научилась уже себя обслуживать.

– Я на время к ним перебралась, – сказала Томочка, – пока Ильи нет.

Она села напротив.

– Начнем, что ли? Есть хочу, как сто китайцев.

Леля неожиданно поняла, что тоже голодна. От аромата Томочкиных пирогов сводило желудок.

Томочка разлила по бокалам кагор.

– С праздником, Лелечка. Пусть все будет хорошо, и на нашей улице перевернется грузовик с конфетами. Даже не один.

Леля кивнула и улыбнулась через силу: пусть.

Выпила, взяла кусочек желтого сыра. Красное вино, слишком густое и сладкое, на ее вкус, потекло по венам, и сразу стало дремотно-спокойно, но вместе с тем легко. Пусть это лживое ощущение скоро растает, но даже небольшая передышка не помешает.

– Спасибо, Томочка. Хорошо, что ты пришла.

– Конечно, хорошо. Бери пирог.

После второго бокала Томочка осторожно сказала:

– Илья говорит, Миша пока ни с кем особо не общается.

Ни с отцом, ни с Ильей. Врачи говорят, это нормально. Ему надо силы восстановить.

Леля грустно кивнула.

– Он, что, так и не позвонил тебе? Ни разу?

Любого другого человека, который попытался бы задать ей этот вопрос, Леля просто послала бы. Мать вчера звонила, спрашивала примерно о том же, и они поссорились, потому что Леля отвечала сухо и резко. Мама обиделась.

Но сейчас Леля поняла, что ей хочется поговорить о Мише. Впервые в жизни (и, как она подозревала, это был и последний раз) Леля полюбила по-настоящему, и сила этого чувства пугала ее саму. Потому она, как трусливый заяц, прикрывшись преддипломной практикой, улетела в Москву: невысказанно было представить, как она сумеет жить, если Миша не чувствует того же к ней, если отношения с Лелей для него всего лишь обычный роман.

Возвращение стало кошмаром: обнаружить Мишу на больничной койке, при смерти, в коме было страшно, а когда опасность оказалась позади, Миша не узнал Лелю.

Девушка снова и снова прокручивала в голове ту сцену в реанимации, когда они с Юрием Олеговичем, Мишиным отцом, и Ильей стояли возле его кровати, и Миша, показав глазами на Лелю, спросил у лучшего друга: «Это твоя зна-

комая?»

– Нет, не звонил. И не позвонит уже, наверное.

Томочка взяла Лелю за руку, ободряюще сжала ее ладонь.

– Уверена, все будет хорошо. Вот увидишь.

Но они обе знали, что никакой уверенности тут быть не может.

– Вы с Ильей вместе? – спросила Леля.

У Томочки и лучшего Мишиного друга отношения складывались не менее запутанно, чем у Лели с Мишей. Томочка была влюблена в Илью давно, с той самой поры, как он съехал от матери в съемное жилье, и они оказались соседями. Но Илья смотрел на нее лишь как на друга, и только после весенних событий они стали встречаться. Точнее, Томочка надеялась, что они пара, для Ильи же это было, скорее, чувство благодарности. Когда Томочка осознала это, они расстались.

А потом выяснилось, что и вправду «большое видится на расстоянии».

– На этот раз я не форсирую события. Общаемся, помогаю ему с тетей Ирой, чем могу. Он вроде как ухаживает за мной: цветы, кино, все такое. – Томочка грустно улыбнулась. – Не хочу опять напридумывать себе: потом падать очень уж больно. Пусть все идет, как идет. Пускай сам окончательно поймет, кто я для него: любимая девушка или свой в доску парень.

– Ты права, – сказала Леля и решила спросить: – Илья

ничего тебе про меня не говорил? Может, Миша что-то...

– Извини. – Сочувствие Томочки было искренним, не показным. – Илья и сам с ним с того раза не виделся, разве что на Новый год поговорили недолго. Но там рядом его отец был, мачеха и сестренка. А по телефону Илья завел речь о тебе, но Миша свернул разговор.

Увидев, как исказилось Лелино лицо, Томочка поспешно добавила:

– Знаешь, что я думаю? Это хороший знак!

– Куда уж лучше, – усмехнулась Леля.

– погоди! Ты вспомни: сама так любишь его, но тебе нужно было обдумать все, и ты уехала. – Томочка свела брови к переносице. – Хотя, между нами, это была полная глупость, но чего уж теперь. Так и он. Обижен на тебя, может, тоже хочет понять, поразмыслить. Видишь – и не говорит ни с кем, не обсуждает! Илья сказал, он очень расстраивался, когда вы осенью расстались, скучал по тебе, ревновал. Такие вопросы с кондачка не решаются.

Томочка еще говорила что-то в том же духе, пытаюсь убедить подругу, и Леля чувствовала, что надежда в ее сердце пробуждается.

Может, Томочка права? Со стороны ведь всегда виднее. Леле очень хотелось в это верить.

Через пару часов Томочка ушла домой, вернее, к тете Ире.

Проводив ее, Леля долго стояла под душем, делая воду то обжигающе горячей, то почти ледяной. Вода лилась в ванну

с шумом, и потому Леля не услышала звонка телефона.

А когда вышла, взяла сотовый и увидела знакомый номер.

Кровь бросилась в лицо, руки задрожали.

Миша все-таки позвонил!

Глава вторая

Когда Леля была маленькая, она терпеть не могла середины и конец января. Самое обидное время года – так ей казалось.

Первые десять январских дней были прекрасны, потому что это – зимние каникулы. А потом на смену веселью, снежкам, санкам или бессмысленно-бестолковому и потому особенно прекрасному валянию на диване наступал конец. Елку разбирали, праздник заканчивался, приходилось снова браться за учебники.

Начиналась третья четверть – самая длинная, бесконечная. Мысленно Леля делила ее на кусочки: короткими перебежками было легче добраться до весенних каникул. Первый кусочек длился до конца января, дальше – от первого февраля до двадцать третьего, от мужского праздника было рукой подать до женского, а там пара недель – и все!

Первый кусочек, осколок января, давался сложнее всех, и длился почему-то дольше. Маленькая Леля переползала из темного утра в ранний вечер, остро ощущая, что до следующего новогоднего чуда еще целый год. Дальше темп ускорялся, дни становились длиннее, за сердитым завываньем февральской метели все отчетливее слышался звонкий, обнадеживающий перезвон капли.

Леля выросла, но нелюбовь к этому времени не перерос-

ла. И только этот год стал исключением, потому что весна наступила уже в январе.

Когда Миша позвонил, поздравил с Рождеством и спросил, не сможет ли она завтра навестить его, Леля была не просто счастлива – почувствовала, что ее воскресили. Вытащили из холодного подвала, где она находилась в последнее время, прямо на солнышко, и свет этот согрел каждую клетку, осветил ее изнутри волшебным сиянием.

Мишу продержали в больнице до двадцатого января, и Леля навещала его каждый день.

– Мне надо объяснить тебе, почему я уехала, – сказала Леля, придя в первый раз. – Хочу, чтобы ты понял.

Похудевший и бледный Миша улыбнулся краешком рта.

– Я и так все понимаю. Давай просто забудем об этом. Ты имела право испугаться – ты ведь об этом хотела сказать?

Леля порывисто взяла его за руку.

– Миша, я...

– Тебя однажды обманули, оттолкнули – как тут не станешь сомневаться?

Она не ответила. Вместо этого прижалась к Мише близко-близко, обняла, словно желая в нем раствориться, как кусок сахара в горячей воде.

– Ты прощаешь?

– Не за что прощать. Это нам с тобой только на пользу пошло. Теперь мы никогда не расстанемся. – В глазах промелькнуло что-то. – Будем беречь друг друга.

Миша изменился – Леля поняла это не сразу.

– Он как будто взрослее стал, мягче, – говорила она Точке по телефону. – Говорит взвешенно, держится спокойнее, сдержаннее. Раньше был мальчишка, а теперь солидный стал, умудренный.

– Еще бы он не изменился – такое пережить! Сколько человек в коме пробыл!

Время мчалось вперед, дни бежали незаметно, каждый раз принося что-то хорошее, доброе. Миша восстанавливался, воспаление старого шрама от укуса Мортус Улторем (*подробнее – в романе «Узел смерти» – прим. ред.*), причину которого так и не удалось установить, купировали. Температура больше не поднималась, сонливость и вялость постепенно отступили.

Во второй половине января доктора решили, что состоянию Миши ничто больше не угрожает. Однако о возвращении на работу речь все еще не шла. Врачи настоятельно советовали Мише взять отпуск, отдохнуть и набраться сил, пройти курс реабилитации в санатории, так что сразу после выписки ему предстояло три недели прожить за городом: под Быстрорецком был оздоровительный комплекс «Лесная сказка», дорогуший, словно какой-нибудь популярный европейский курорт.

В глубине души Леля ждала, что Миша предложит ей поехать с ним. Или хотя бы попросит приезжать почаще. Но он не предложил. Только говорил о том, что хочет все обдумать,

решить, как жить дальше.

– Вот увидишь, вернется оттуда и предложение тебе сделает! – заявила Томочка.

Леле не хотелось опять разлучаться с Мишей, но она решила не подавать виду, что ее немного задело его желание побыть одному.

Отвезти сына в санаторий должен был Юрий Олегович, а Леля с Ильей пришли его проводить.

– Он даже домой не заедет? – спросила накануне Леля Мишиного отца.

– А зачем? Мы с женой вещи ему собрали, купили там по мелочи, что он просил. Чего время терять?

Леля заехала за Ильей, чтобы вместе отправиться в больницу. Сам он пока автомобилем не обзавелся.

В последнее время им почти не удавалось поговорить, они и не виделись толком с того времени, как в конце декабря все втроем – Леля, Илья, Юрий Олегович – дневали и ночевали под дверями реанимации, где Миша боролся со смертью. Никто не мог понять, что с ним, в чем причина глубокой комы, каковы прогнозы.

– Как мама себя чувствует? – спросила Леля, когда Илья сел в машину.

– Она у меня молодцом, – с гордостью, словно об успехах ребенка, ответил он, пристегивая ремень безопасности. – Как раньше, конечно, уже не будет, говорить не сможет, правая рука не восстановится, но она так старается, адаптиру-

ется! Рисует левой рукой, пишет понемногу. По дому стремится что-то делать, со всем хочет сама справиться!

Илья улыбнулся. Леля знала, что мать Миши была пьющей, сыном не занималась, но он не отвернулся от нее, помогал деньгами, а после инсульта выходил, поставил на ноги. Миша, который дружил с Ильей с первого класса, как-то обмолвился, что только после болезни тетя Ира стала человеком, поняла, какой удивительный у нее сын.

Изо всех людей, которых знала Леля, Илья был самым самоотверженным, добрым, правильным (без самовлюбленного занудства), порядочным до мозга костей.

Леле хотелось сказать ему, что он настоящий герой, но она постеснялась, думая, что это прозвучит глупо и пафосно. Вместо этого сказала:

– Очень здорово! Твоя мама – борец.

Некоторое время они ехали молча, потом Илья повернулся к Леле и проговорил:

– Вот видишь, все и наладилось. Я же говорил тебе: главное – верить.

– Ты был прав.

– Тот момент, когда Миша не узнал тебя, – осторожно сказал Илья. – Он как-то объяснил, почему это случилось?

В тоне его, вроде бы небрежном, прозвучало напряжение, и Леля удивленно покосилась на своего пассажира. Насколько она знала, у Миши с Ильей никогда не было секретов друг от друга, и то, что Илья спросил об этом у Лели, могло озна-

чать одно: Мише он такого вопроса не задавал. Но почему?

– Сказал, это было временное помрачение, только и всего. Были и другие события, память о которых вернулась не сразу.

– Какие, например?

Леля задумалась и поняла, что Миша не сказал ей.

Точнее, она не спрашивала.

– Мне кажется, это уже не важно, – улыбнулась девушка, и Илья с преувеличенным энтузиазмом подтвердил:

– Конечно, нет! Главное, что плохое позади.

По стечению обстоятельств, говоря об этом, они проезжали здание, недолго бывшее отелем «Петровский». Прежде там располагалась городская больница, и после известных событий оно снова должно было стать медицинским учреждением: онкологическим диспансером (*подробнее читайте в романе «Отель «Петровский» – прим. ред.*).

Старинное здание стояло на холме, горделиво взирая на раскинувшийся внизу город. Сколько мрачных тайн оно хранило с той поры, как было построено! Леля поглядела на бывший отель «Петровский» и заметила, что Илья избегает смотреть в ту сторону.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне, что там случилось? – спросила она.

В газетах писали про непонятно по какой причине случившееся землетрясение, сотрясавшее исключительно это здание. А Миша зачем-то пошел туда незадолго до этого, поте-

рял сознание в холле и впал в кому по опять-таки неизвестной причине.

«Кажется, слова «непонятный» и «неизвестный» встречаются слишком часто», – подумала Леля.

– Когда-нибудь расскажу, – ответил Илья. – Хотя, по правде говоря, лучше бы выкинуть все из памяти. – Он немного помолчал. – Я спросил Мишу, что он увидел в отеле, что с ним произошло. Но он ничего не помнит.

Во всем, что касалось «Петровского», чувствовалась недоговоренность. Видно было, что говорить об этом Илья не хочет, тема ему неприятна, поэтому он довольно неуклюже сменил ее, взявшись расспрашивать Лелю об учебе.

Она приняла правила игры, не стала настаивать.

Вскоре они добрались до больницы. Белый внедорожник Матвеева-старшего уже дремал на стоянке. Леля с Ильей вышли из машины и направились к дверям. Было морозно, снег похрустывал под ногами, и Илья сказал:

– Мишка лыжи любит. Надеюсь, там можно будет кататься.

Они вошли в вестибюль и увидели Мишу с отцом, выходящих из лифта. Юрий Олегович заметил их и помахал.

– А вот и группа поддержки! – сказал он.

Илья и Миша пожали друг другу руки.

– Лелечка, что-то мы с тобой все больше в больницах встречаемся. Эту порочную практику надо прекращать! Вот Миша вернется из «Сказки» – и обязательно придете к нам

в гости. Да, сын?

Миша обнял Лелю и привлек к себе.

– Даже не обсуждается.

– Илюшка, ты мне помоги-ка сумки в машину затащить, а эти пусть поворкуют, попрощаются, – сказал Юрий Олегович.

Мужчины ушли, а Леля с Мишей подошли к окну, выходящему во двор.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила она, ощущая, как обычно, неловкость при прощании.

– Чувствую себя дряхлым стариком на смертном одре, – усмехнулся он, – потому что все разговоры со мной начинаются в последнее время с этого вопроса.

Леля улыбнулась и погладила его по щеке.

– Больше не буду. Ты прекрасен, как молодой бог. И здоров как бык, это бросается в глаза.

Он поцеловал ее и, как каждый раз, когда Миша был так близко, Леле показалось, что кроме них в огромном мире никого нет.

– Я буду скучать, – сказала она и подумала, что сейчас он попросит ее приезжать, как будет возможность.

– Время пролетит незаметно, вот увидишь, – вместо этого ответил он. – И знаешь еще что... – Он нежно взял ее лицо в ладони и посмотрел девушке в глаза. – Я люблю тебя, Леля.

Никогда прежде Миша не говорил ей таких слов. Она ждала их, не смея надеяться, а когда услышала, буквально оне-

мела, растерялась. Ей хотелось ответить ему, сказать, как сильно она его любит, как счастлива услышать это признание. Леля понимала, что он ждет от нее реакции – ведь Мише, наверное, не так легко было сказать то, что он произнес.

Но вместо этого Леля стояла, не в силах выдать ни звука: самые нужные и важные слова заблудились где-то, эмоции душили, мешая заговорить. Прежде чем она пришла в себя, раздался голос Юрия Олеговича:

– Все, мы за вами!

Не разжимая рук, они двинулись к машине, возле которой стоял Илья.

Спустя минут десять обе машины выехали со двора. Юрий Олегович с Мишей свернули налево, к выезду из Быстрорецка, а Леля с Ильей направились в противоположную сторону.

– Высади меня у метро, – попросил Илья. – В редакцию заеду.

Он казался задумчивым, грустным. Леле пришло на ум, что Илья держался с Мишей немного отстраненно. Или ей просто показалось?

Они перекинулись парой незначащих фраз и остаток пути ехали молча. Потом Илья вышел, и Леля провожала его взглядом, пока он не скрылся в подземном переходе.

Девушка была уверена: его что-то гнетет, тревожит.

И, кажется, это связано с Мишей.

Глава третья

После отъезда Миши прошло уже больше недели. Леля встретилась с научным руководителем, набрала в библиотеке книг по подготовке к государственному экзамену. Но и работа над дипломным проектом, и экзаменационные вопросы – все это было только фоном. По-настоящему ее волновали лишь отношения с Мишей.

Сейчас они не виделись, зато каждый день перезванивались. Он рассказывал, что гуляет по парку, ходит на лыжах, плавает в бассейне, принимает какие-то медицинские процедуры, читает книги, а она чувствовала, что это идет ему на пользу. В Мише появилась уверенность, как в человеке, который точно знает, куда и зачем движется, и Леля подумала, что этим он становится похож на отца.

Юрий Олегович был доктором юридических наук, много лет заведовал кафедрой гражданского права в Юридическом институте МВД России, в последние годы был проректором, а с нового учебного года, скорее всего, возглавит вуз.

Отец в деталях продумал карьеру сына, но Михаил всеми силами (иногда весьма вызывающе) сопротивлялся его воле. А потому, окончив Юридический институт, оказался не на теплой перспективной должности, трудился помощником участкового.

Вечное противостояние отца и сына закончилось про-

шлой весной, когда Миша чуть не погиб. Отец сказал, что не будет давить на сына, но тот неожиданно решил остаться участковым, не захотел уходить из полиции.

Однако и тогда было ясно: Миша все еще ищет себя, в нем было что-то трагическое, байроновское, бунтарское. Теперь же он будто успокоился, определился и в векторе карьерного движения, и в отношениях с Лелей.

– Я так за вас рада, – говорила Томочка. – Свадьбу планируйте на лето! Всегда мечтала в июле замуж выйти.

– Так и выйдешь, кто тебе мешает!

Но этой темы Томочка, обычно открытая, тщательно избегала, так что неопределенно пожала плечами и перевела разговор.

Сегодня девушки договорились встретиться и вместе пообедать, Илья тоже должен был к ним присоединиться.

Уволившись из закрывшегося отеля «Петровский», Томочка не вернулась в детский сад, где несколько лет проработала воспитательницей, а устроилась администратором в салон красоты «Скарлетт».

Вакансия, кстати, нашлась благодаря Илье: салон располагался на третьем этаже многоэтажного офисного центра, в котором находилась редакция журнала «Скорость света», где он работал. Случайно узнав, что девушка-администратор уходит в декретный отпуск, а на ее место никого не взяли, Илья предложил на эту должность Томочку.

– Раньше жили рядом, теперь работаем, – смеялась она. –

Никуда от тебя не денешься.

Илья улыбался, и видно было, что никуда он деваться и не хочет. Какая ирония, думалось Леле: Илья столько лет принимал Томочкину любовь как нечто само собой разумеющееся, думал, что она вечна, как луна, и, только потеряв, наконец-то оценил ее и понял, насколько дорога ему эта девушка.

– Подстрижешься, покрасишься, я тебя записала, а потом у меня как раз перерыв на обед, – сказала вчера Томочка. – У нас такие мастера классные, всегда потом к нам ходить будешь!

Лелю устраивала и ее мастер, но Томочке не откажешь. Да и повидаться хотелось, так что в полдень она переступила порог салона «Скарлетт».

Оформление интерьера полностью отвечало названию: в нем использовались кадры из «Унесенных ветром»; с фотографий и плакатов смотрела прекрасная Вивьен Ли в своей звездной роли.

Томочка вписалась в новый коллектив идеально, словно всю жизнь тут проработала. Девочки-коллеги ее любили, с клиентами она общалась легко и при этом сердечно, вдобавок была такой хорошенькой, улыбчивой и милой, что выглядела живой рекламой салона красоты.

– Дай мне пальто, проходи вот сюда, садись, я тебя с Анютой познакомлю, – говорила Томочка.

Анюта и вправду знала толк в своем деле. Руки ее уверенно порхали над головой Лели, между делом она давала по-

лезные рекомендации по уходу за волосами. Они у Лели от природы были невыразительного, как она сама говорила, мышиного оттенка, так что приходилось красить (чаще в темные тона).

– Давайте попробуем золотисто-каштановый, – предложила Анята. – Он будет похож на натуральный, только выразительнее, насыщеннее.

Леля решила довериться ее вкусу.

Играла ненавязчивая музыка, умиротворяюще жужжал фен, мастерицы негромко беседовали с клиентками – обстановка расслабляла, и она подумала, что непременно будет теперь ходить только сюда.

Спустя часа полтора, когда Анята уже сушила ей волосы феном, Леля увидела Илью. Они улыбнулись друг другу, и парень заговорил с Томочкой. Утонченный, тонкокостный, большеглазый Илья в очках, как у Джона Леннона, и миниатюрная, изящная, словно статуэтка, Томочка – ребята были подходящей, гармоничной внешне парой.

– Как вам? – спросила Анята, выключив фен и оглядывая дело рук своих строгим взглядом.

– Здорово! – восхищенно проговорила Леля. – Вы просто изумительный мастер!

– Модель подходящая, – невозмутимо ответила Анята, но видно было, что похвала ей польстила.

Стрижка была удачная, оттенок волос выглядел естественно, а большие синие Лелины глаза стали казаться еще

больше и ярче.

– Я же сказала, тебе понравится! – Томочка вытащила из шкафа Лелино пальто. Сама она уже была одета. – Ты у нас и так красавица, а теперь уж вообще!

Они вышли в коридор, где их уже ждал Илья, и Томочка спросила, как ему новая Лелина прическа. Но он, не отвечая, замер, глядя во все глаза куда-то в конец коридора.

Леля проследила за его взглядом и увидела пожилую женщину, которая направлялась к ним. Вернее, в салон красоты. На вид ей было около шестидесяти; худая, высокая, она шла неуверенной походкой, точно постоянно задавалась вопросом, надо ли ей сюда идти. Светлые крашенные волосы сильно отросли у корней: видимо, парикмахер давно к ним не прикасался.

Женщина подошла ближе, и стали видны глубокие морщины и горестные складки возле рта, тусклые глаза и слишком густой слой тонального крема. При этом одета она была дорого: Леля знала цену и пальто, что болталось на ней, как на вешалке, будто снятое с другой, гораздо более полной женщины, и сапог, и сумки, что свисала с тощих плеч.

Она, похоже, узнала Илью, потому что взгляд ее прояснился, а лицо озарилось улыбкой, сделавшей женщину чуть моложе:

– Илюша? Это вы? Вот так встреча!

– Здравствуйте, Марта Иосифовна, – справившись с собой, проговорил Илья, улыбнулся в ответ и представил ей

Томочку и Лелю. – Как вы?

Она едва заметно усмехнулась.

– Ну же, смелее, мы ведь с вами старые знакомые, – сказала Марта Иосифовна. – Знаю, выгляжу ужасно. В последний раз, когда мы виделись, я все жаловалась, что не могу похудеть, и, видимо, Бог услышал мои жалобы.

– Вам очень... – Неизвестно, что хотел сказать Илья, но Марта Иосифовна его перебила:

– Решила волосы в порядок привести. Записалась на три часа, время не рассчитала, пришла слишком рано. Но это к лучшему. Приятно вас видеть.

– Мне тоже, – голос Ильи звучал вполне искренне.

Откуда он знает эту женщину? Кто она?

– Насколько понимаю, вопрос с отелем «Петровский» вам удалось решить. Я все собиралась позвонить, да так и не позвонила. – На лицо ее набежала тень, будто она вспомнила о чем-то неприятном. – Вы молодец, Илья. Я в вас не ошиблась. Только все путаю: могу я обращаться на «ты» или на «вы»?

– Конечно, на «ты», – ответил он.

Марта Иосифовна внимательно поглядела на Томочку.

– Значит, вот эта прелестная девушка работала в том жутком отеле?

– Да, – ответила Томочка. – А теперь в «Скарлетт» работаю. Наверное, мы с вами по телефону говорили, когда вы записывались.

– Возможно. Я Рогова. К Анюте.

«Рогова, – подумала Леля, – знакомая фамилия».

– Вы на обед собрались, – проницательно заметила Марта Иосифовна, – я вас задерживаю.

– Ничего страшного, – хором ответили Томочка и Илья, и Леля снова подумала, что эти двое – отличная пара.

На лице Марты Иосифовны появилось неуверенное выражение: она будто хотела спросить о чем-то, но не могла решиться.

– Счастлива была повидаться, – в итоге проговорила женщина.

Все принялись прощаться друг с другом, и Томочка с Лелей пошли к лифту.

– Марта Иосифовна, у вас все в порядке? Я могу чем-то помочь? – услышала Леля голос Ильи.

– А ты по-прежнему полагаешь, что непременно должен всех кругом спасать и всем помогать? – с грустной усмешкой спросила женщина.

Леля остановилась, глядя на них.

Илья молча ждал, что еще скажет Марта Иосифовна.

– Я совершила ошибку, Илюша. Страшную. Можно сказать, фатальную. Я поехала в... Неважно, куда. Важно, что мне не стоило делать этого. А теперь ничего уж не исправить. Помнишь, я сказала тебе: на той стороне что-то есть, и иногда оно хочет до нас дотянуться? Так вот, раньше я просто предполагала, а теперь знаю точно.

Она говорила так обреченно и горестно, что у Лели сжималось сердце. И в то же время страх, звучавший в голосе Марты Иосифовны, чуть не заставил девушку броситься к Илье, чтобы схватить его за руку и увести прочь, пока женщина не сказала чего-то лишнего.

Есть ведь вещи, узнав о которых, человек не сможет просто взять и забыть о них, проигнорировать, не предпринять каких-то шагов.

Но прежде чем она успела вмешаться, Марта Иосифовна резко отвернулась от Ильи и, наспех попрощавшись с ним, пошла к двери салона.

– Ты узнавал у нее что-то про «Петровский»? – спросила Леля уже в лифте. – Кто она?

– Это жена Рогова, – ответил Илья. – Того чиновника, который дал ресторатору Гусарову разрешение выкупить у города здание больницы и сделать там отель. Петр Рогов умер, как и Гусаров, и я пошел поговорить с его вдовой, потому что смерти были похожи и подозрительны.

Он говорил задумчиво, словно размышляя о чем-то своем.

– «Петровский» снова превратили в больницу, все хорошо, – немного нервно проговорила Томочка, желая свернуть разговор.

Скорее всего, ей Илья рассказывал обо всем подробно. Сама Леля мало что знала о той истории. Но, возможно, это и к лучшему: зачем ворошить прошлое, к тому же не слыш-

ком-то радостное?

Они пришли в кафе, которое недавно открылось в здании офисного центра, на пятнадцатом этаже, и сразу полюбились народу: еда была вкусная, хотя и без затей, недорогая (что немаловажно), а отсутствие кулинарных изысков с лихвой компенсировалось шикарным видом из панорамных окон.

Уже сидя за столиком, друзья вновь вернулись к разговору о Марте Иосифовне.

– Кстати, об этой Роговой, – заметила Томочка. – Я вспомнила. Когда сказала Аняте, что она придет, та обрадовалась. Говорит, давненько ее не было видно, хотя раньше каждые две недели приходила. Сказала, что она «прикольная», с юмором, чаевые всегда хорошие оставляет, богатая дамочка.

– Марта Иосифовна очень изменилась, – проговорил Илья, поправив очки. – Была такая полная, живая, пышущая здоровьем. Одежда, маникюр, прическа – ясно, что из салонов красоты не вылезает. Я ее сейчас даже не узнал, просто бледная копия себя прежней.

– Говорит, съездила куда-то. С ней там что-то стряслось, к гадалке не ходи.

– Как бы то ни было, изменить мы ничего не можем, и от помощи она отказалась, – подвела итог Томочка.

Друзья думали, что эта встреча – лишь мимолетный эпизод, а сама Марта Рогова не имеет к ним никакого отношения. О том, что судьба-затейница уже скрепила их судьбы, связав причудливым узлом, им еще предстояло узнать.

Причем очень скоро.

Глава четвертая

«Может, все-таки не стоило этого делать?» – еще раз спросила себя Леля, выезжая из подземного гаража. Начиналась метель – февраль в этом году был прямо азбучный, как раз такой, каким и положено быть последнему зимнему месяцу: с метелями, выюгами, безлунными ночами.

Город устал от зимы. Устали автомобили, преодолевающие километры по дорогам, усыпанным реагентами; устали заледенелые улицы, заваленные ноздристым грязным снегом; устали от стужи, слепого холодного солнца, пронизывающего ветра и люди. Но конца зиме все не было, и дни тянулись друг за другом серым караваном.

Леля соскучилась по Мише, и он каждый раз говорил, что тоже скучает. Сегодня – последний день его пребывания в санатории, и Леля ехала туда за ним. Вчера они говорили по телефону, и она спросила, кто его заберет.

– Отец в Москве, – ответил Миша. – Но это не проблема. Я договорился на два часа дня, меня отвезут, тут есть такая услуга. Какой смысл в этих встречах-прóводах?

Леля предложила забрать его, но он отказался: незачем. Ехать по зимней дороге около двух часов – и ради чего? Еще и снегопад опять обещают, он только волноваться будет, как она доберется.

Однако Леля решила сделать Мише сюрприз. Волновать-

ся он не станет, потому что не знает, что она поедет. А увидит – и обрадуется. Что бы Миша ни говорил, ему в любом случае будет приятно проявление заботы.

Так что Леля выехала из дома с расчетом, чтобы оказаться в «Лесной сказке» примерно в двенадцать или немного раньше. Миша как раз успеет отменить заказ машины.

Пробки рассосались, так что из города Леля выехала спокойно. Дорогу она примерно представляла: нужно довольно долго ехать по трассе, а затем свернуть в сторону Васильевского монастыря. Заблудиться не боялась: навигатор показывал направление. Нервозность вызывало другое: вдруг Миша расценит ее порыв как навязчивость или, того хуже, попытку за ним проследить?

В какой-то момент Леля даже решила повернуть обратно, но остановило то, что с трассы так просто не свернуть, нужно дожидаться развязки с поворотом. А пока ехала до нее, успела решить, что это полная дичь. Разве они чужие друг другу? Конечно же, Миша будет рад, ничего такого про Лелю не подумает.

Девушка включила музыку погромче и, предвкушая встречу с Мишей, чуть прибавила скорость. Обещанный снегопад уже начинался, но набирал силу вяло, словно бы нехотя. Крупные снежинки-бабочки медленно кружили в воздухе, не торопясь встретиться с землей.

Леля мельком глянула на себя в зеркало: все же новый оттенок очень ей к лицу. Вспомнился недавний поход в салон

красоты, Томочка, а вслед за ней – встреча с Мартой Роговой.

Илья говорил, она живет в дорогом элитном жилом комплексе «Берег», неподалеку от набережной. Там комнаты в квартирах размером с бальные залы. Мама когда-то хотела купить квартиру в одном из тех домов, еще на этапе строительства. Правда, в итоге передумала и купила виллу в Италии, на берегу моря.

Леля представила, как несчастная Марта Иосифовна бродит по огромной пустой квартире, где каждый квадратный метр напоминает о ее одиночестве, и ей стало жаль эту женщину. Впрочем, счастье эгоистично и забывчиво, а Леля была счастлива, так что вскоре образ случайной знакомой выветрился из ее головы.

В нужный момент Леля свернула в сторону монастыря и, следуя указаниям навигатора, покатила дальше. Дорога теперь лежала через сосновый лес. По обе стороны высились стройные, величественные, устремленные в небо, словно ракеты, сосны. Их желтоватые стволы светились янтарным светом, зеленые макушки подпирали низкое свинцовое небо.

Где-то в сердце соснового бора раскинулось большое чистое озеро: монастырь стоял на его берегу. Леля слышала, что там очень красиво, знала, что люди приезжают к Васильевскому озеру и в древний монастырь со всей России, и запоздало удивилась, как же она сама, всю жизнь прожив в двух шагах, в Быстрорецке, так ни разу в этих местах и не

побывала.

«Мы обязательно съездим сюда с Мишей, когда станет тепло», – пообещала себе Леля и свернула налево, в сторону санатория. Чтобы попасть к монастырю и озеру, следовало повернуть вправо.

Еще десять минут – и вот она, «Лесная сказка». Леля порадовалась, что добралась там быстро и без проблем: еще и полудня нет, а она уже на месте.

Войдя в красивый, обилием зелени напоминающий оранжерею вестибюль, Леля направилась к администратору. Рыжеволосая девушка за стойкой с готовностью улыбнулась и спросила, чем может помочь.

– Я приехала к одному из ваших пациентов, он сегодня должен выписаться.

– У нас не больница, гости просто уезжают, когда у них заканчиваются путевки, – все с той же жизнерадостной улыбкой мягко поправила Лелю администратор и попросила назвать Мишину фамилию.

– Матвеев, – ответила Леля. – Михаил Юрьевич.

– Да-да, я его помню. Очень вежливый и интеллигентный молодой человек. – Пальцы рыжей администраторши застучали по клавиатуре. – Простите, пожалуйста, – спустя минуту проговорила она, не спуская улыбки с лица, – но, боюсь, Михаил Матвеев уже уехал.

Леля подумала, не ослышалась ли она.

– Вы уверены? Это какая-то ошибка, наверное. Миша со-

бирался заказать машину на четырнадцать часов, он мне сам вчера вечером об этом говорил. Проверьте, пожалуйста, еще раз.

Девушка послушно уткнулась в монитор.

– Никакой ошибки.

– Значит, он уехал раньше, – расстроенно проговорила Леля, скорее себе, чем администратору. – Мы разминулись.

Она уже хотела отойти, как девушка сказала:

– Прошу прощения, но, судя по нашим данным, Михаил покинул санаторий уже вчера. В одиннадцать утра.

Леля оторопела. Выходит, вчера вечером, когда они разговаривали об отъезде, о том, как он будет добираться домой, Миша уже был в Быстрорецке.

Он лгал, но зачем? Что ему скрывать?

«Может быть, ему нездоровилось, беспокоило что-то, и он решил съездить к врачу?» – подумала Леля, но это был полный абсурд: тут ведь тоже есть врачи.

Причина, конечно, в другом. Но в чем?

Поблагодарив администратора, Леля отошла от стойки. Она чувствовала себя на редкость глупо: хотела устроить сюрприз, а в результате его устроили ей самой.

Рыженькая девушка, должно быть, увидев ее расстроенное лицо, захотела как-то утешить Лелю и сказала:

– Это просто какое-то недоразумение. Вы, может быть, хотите отдохнуть с дороги? У нас хорошее кафе, там варят необычайно вкусный кофе по особому рецепту.

– Нет, спасибо. Мне нужно обратно в Быстрорецк.

Леля быстро пошла к выходу, сбежала по ступенькам, забралась в салон автомобиля. Приезжать в эти места ей больше не хотелось, от приподнятого настроения не осталось и следа.

Она ехала и гадала, почему Миша так поступил. Какова бы ни была причина – пусть и самая уважительная! – неприятной казалась та легкость, с которой срывалась с его языка ложь. Ни на миг Леле не пришло в голову, что он врет. Девушка вообще не знала, что он умеет это делать: Михаилу были присущи открытость и прямота, лукавства в нем не чувствовалось.

«Но ведь ты видишь: он стал немного другим, – резонно заметил внутренний голос. – Кстати, возможно, про причины своего обморока, про то, что с ним случилось в отеле, он все помнит. Просто умалчивает».

«Да, но эти перемены только к лучшему, – сама себе возразила Леля. – И умалчивать – не значит врать. Миша имеет право не рассказывать, если не хочет. И потом, может, он действительно не помнит!»

Споря сама с собой, Леля выехала обратно на шоссе.

Снегопад разошелся. С неба сыпались белые хлопья, похожие на сахарную вату, дворники елозили по стеклу, стремясь открыть обзор. Машина еле ползла: Леля боялась прибавить скорость и напряженно смотрела на дорогу.

«Как вести себя с ним? Рассказать, что приезжала, спро-

силь, в чем дело? Или лучше промолчать, подождать, пока сам что-то расскажет?»

От огорчения разболелась голова. Правду говорят: меньше знаешь – крепче спишь. С другой стороны, просыпаться все равно придется.

Телефон зазвонил, когда Леля уже подъезжала к Быстро-рецу.

Она вытащила мобильник и увидела Мишин номер.

– Алло, – проговорила девушка, так и не решив, что сказать дальше.

– Леля, зачем?

– Что «зачем»?

– А то ты не знаешь! – Мишин голос звучал встревоженно. – Снег такой сильный, ты где, на трассе? Зачем потащилась туда?

– Почему ты не сказал вчера, что уже дома?

Он будто и не услышал.

– Мало того, что это опасно, еще и сюрприз мне испортила.

– Какой еще...

– Такой. Я вчера приехал, надо было срочно на работе кое-какие дела утрясти. Объяснять долго, да и ни к чему. Хотел тебя сегодня забрать. Столик заказал в «Гусарской балладе». Думал, приеду – ты удивишься. Приехал, а тебя нет.

В этом претенциозном дорогом ресторане они почти год назад познакомились на юбилее Лелиного дяди. Миша

как-то говорил, что надо сходить туда, вспомнить былое.

– Так ты возле моего дома? – спросила Леля, чувствуя себя идиоткой.

– Ушел уже оттуда. Илья как раз позвонил, сказал, что ты учудила.

Накануне они говорили с Томочкой, Леля обмолвилась о своих планах. Понятное дело, Томочка сказала Илье, а тот... Значит, Миша успел поговорить с Ильей и узнал, что Леля поехала за ним в «Лесную сказку». Так что было время подготовиться и выдумать подходящую версию.

Интересно, если прямо сейчас позвонить в «Гусарскую балладу» и спросить, когда был забронирован столик, что они ответят? Вчера это было сделано или сегодня, буквально пару минут назад?

«Прекрати! Прекрати немедленно эту паранойю!» – осадила себя Леля.

В самом деле, так можно до чего угодно додуматься. Миша все объяснил, он поступил так, как считал нужным, и все концы с концами сходятся, так чего еще она пытается выяснить, в чем подозревает Мишу и хочет уличить?

А главное, зачем ей это нужно?!

– Прости, – сказала Леля.

– За что? – удивился он. Конечно, он ведь не знал, о чем она думала, кем чуть не начала его считать. – Мне и в голову не пришло, что ты захочешь приехать. – Миша помолчал. – Но, знаешь, на самом деле, я, наверное, этого ждал. Вернее,

хотел. Эта забота означает, что...

– Я тебя люблю, – сорвалось у Лели с языка. В тот раз она не смогла произнести этих слов, а теперь они прозвучали легко и естественно, и все сомнения, страхи пропали, растаяли. – Это значит лишь то, что я тебя люблю.

Она ехала, прижав трубку к уху, и слушала Мишино дыхание. Он молчал, и в этом молчании чувствовалась его улыбка.

– У нас все будет хорошо, – наконец проговорил он. – Ты лучшее, что со мной случилось в этой жизни, и я не позволю ничему встать между нами.

Глава пятая

Леля была счастлива. Незамутненное, пьянящее, головокружительное ощущение было острым и отчетливым, такое ни с чем не спутаешь. Она чувствовала себя влюбленной, желанной, готовой улыбаться, говорить милые глупости и радоваться каждому прожитому дню.

Последние десять дней после возвращения Миши из санатория были похожи на сказку. Леля была словно принцесса: ее носили на руках, ей дарили цветы, баловали и исполняли все желания.

Прежде девушка не подозревала в Мише такой нежности, такого желания окружить ее заботой, взять на себя ее проблемы. Он был прямым, немного насмешливым, озорным и иногда ершистым – теперь же вел себя, как киногерой, мечта всех девчонок.

В моменты, когда Леля не тонула в его нежности, не растворялась в любимом, она признавалась, что порой не узнает Мишу, но тут же отмахивалась от этих мыслей и говорила себе: разве ей есть на что жаловаться? Миллионы девушек на ее месте позволили бы себе просто быть счастливыми.

– Он понял, какое ты сокровище, – говорила Томочка. – Осознал, что чуть не потерял тебя. Глаза у человека открылись!

Леля втайне соглашалась и думала, что и с ней самой тоже

произошло нечто подобное: уехав от Миши, она поняла, что чем дальше от него, тем больше рана в душе. Ей тоже теперь не хочется ни испытывать Мишу, ни проверять, ни отпускать от себя.

В один из солнечных дней на стыке зимы и весны Томочка и Илья, у которых сейчас тоже был расцвет отношений, пригласили Лелю и Мишу в «Лебединое озеро» – был в пригороде Быстрорецка туристический комплекс с таким названием. Там можно было снять домик или просто заказать столик в одном из кафе, покататься на лыжах, поесть шашлыков (желающие могли их и пожарить на мангалах), сходить в караоке-бар или боулинг.

Ребята забронировали домик и провели чудесный день. Погода была как на заказ: солнце старалось всю, снег искрился алмазным блеском. В лесу было безветренно и тихо, лишь верткие синички приветствовали весну задорной звонкой трелью.

Накатавшись на лыжах, они пришли в свой домик, и парни отправились жарить шашлыки, а девушки взялись накрывать на стол: нарезали овощи, сыр и хлеб, достали фрукты и оливки.

– Мне кажется, я никогда не была так счастлива, – призналась Томочка. – Сегодня особенный день.

День и вправду оказался особенным. За обедом Илья, который вышел на минутку, вернулся с огромным букетом алых роз и сделал Томочке предложение.

Она расплакалась, но, конечно, приняла кольцо, которое лежало в бархатной коробочке.

Потом была радостная, бестолковая чехарда, смех, организованный Мишей салют в честь обручившихся (конечно же, Миша все знал заранее) и даже заказанная по радио песня с поздравлением.

Леля поймала себя на мысли, что немного завидует Томочке.

Словно догадавшись об этом, Миша обнял ее и прошептал на ухо:

– Я люблю тебя. У нас все впереди, и это здорово, правда?

Через день Томочка позвонила Леле и сказала, что они подали заявление, свадьба назначена на двадцать второе апреля.

– В мае жениться, говорят, всю жизнь маяться. Так что мы решили пораньше. Весна – самое время новую жизнь начинать, правда?

– Ты ведь в июле мечтала, – улыбаясь, напомнила Леля.

– Передумала. И вообще, в июле давайте-ка вы идите в ЗАГС.

Леля сказала, что этот вопрос еще не обсуждался.

Он и правда не стоял пока на повестке: им и без того было хорошо вместе, Леля знала, что рано или поздно они с Мишей поженятся – как же иначе? Она окончит учебу, получит диплом. Миша тоже решит вопрос с работой.

Леля предполагала, что, возможно, из отпуска, в кото-

ром он сейчас находился, Михаил не выйдет. Он обмолвился вскользь, что перерос свою должность, ему уже не интересно, но о том, что станет делать дальше, молчал.

Собирается ли он снять форму полицейского или просто переведется на другую должность, Леля не знала и Мишу не спрашивала.

Настало удивительное время: жизнь кипела и набирала скорость. Природа взяла разворот на весну, и в душе у Лели тоже все цвело и пело. Ей казалось, что она выбралась из темноты на свет, и после долгого периода разочарований, сомнений, страхов и ожиданий все наладилось, стало ясным, простым и понятным, таким, как должно быть; и теперь она идет по широкой, ровной дороге рука об руку с человеком, рядом с которым мечтала прожить жизнь.

Тем временем Томочка и Илья всеми силами решали жилищный вопрос.

– Мы решили продать квартиру Томочки и нашу с мамой и купить трехкомнатную, – объявил Илья, когда они однажды вечером собрались в кафе на набережной.

– Нашли уже квартиру? Решили, где будете жить?

– Жилой комплекс «Светлый», – ответила Томочка. – Новые дома, место хорошее: инфраструктура, от метро близко, транспортная развязка.

– Ты пересказываешь рекламный проспект, – улыбаясь, заметил Илья. – Но вообще все так и есть. Там немного дороже, чем мы рассчитывали, но мне на работе беспроцент-

ный займ дают, так что ипотеку брать не придется.

Все четверо сдвинули бокалы с пивом, поздравляя будущих новоселов.

Подключился отец Миши – порекомендовал знакомого риелтора. То ли тот оказался профессионалом высшего класса, то ли удача была на стороне влюбленных, а может, все вместе, только вскоре состоялись сделки по продаже квартир Ильи и Томочки и покупке жилья в «Светлом».

– Вот тут комната тети Иры, – «мамой» Томочка мать Ильи не называла, хотя они были очень близки. – Здесь будет наша с Ильей спальня и по совместительству его кабинет, а здесь – гостиная, – захлебываясь от восторга, говорила Томочка, водя Лелю по пустым гулким комнатам. Мебель должны были доставить завтра. – Два балкона, смотри! Из кухни и из гостиной. А вид какой!

Почти все окна выходили в парк, и только окно спальни смотрело во двор.

– Я так за вас рада, – искренне сказала Леля и снова подумала, насколько все отлично складывается и у Ильи с Томочкой, и у них с Мишей.

Жизнь Ильи была нелегкой, Томочка рано осиротела, потом потеряла единственного близкого человека – бабушку. Их отношения развивались непросто, да и если вспомнить случившийся с Ильей минувшей весной кошмар..., впрочем, нет, лучше и не вспоминать.

А теперь, за короткое время, все стало так, что лучше не

придумаешь: Илья сблизился с матерью, она души в нем не чает. Разногласия с Томочкой улажены, и они, наконец, вместе. Поженятся, и даже прекрасная квартира – просторная, удобная, в хорошем районе – нашлась так быстро, что это похоже на магию.

– Миша предложил переехать к нему, – сказала Леля, хотя не собиралась говорить, пока все не обдумает. Она еще не дала согласия.

– Ой, как здорово! – Томочка порывисто обняла подругу. – Просто замечательно! Вы и так все время вместе, а теперь будет общий дом!

– Я еще не знаю... – Начала было Леля, но тут же поняла, что все она отлично знает.

Конечно, она переедет к Мише – о чем рассуждать? К чему сомневаться? Они будут очень счастливы, а летом сыграют свадьбу.

Тем же вечером Леля позвонила Мише и сказала, что согласна. Радость в его голосе была такой неподдельной, что она спросила себя, как могла сомневаться: стоит ли съезжаться до свадьбы? Это же предрассудки – глупые и устаревшие. Томочка с Ильей, например, тоже будут жить вместе еще до бракосочетания – и ничего.

Уезжая, запирая свою квартиру, притихшую и словно бы поблекшую, лишенную некоторых привычных вещей, Леля представила, как она будет день за днем ждать ее возвращения, словно преданное хозяином, брошенное на произвол

судьбы домашнее животное.

– Не скучай, – прошептала Леля, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. – Я буду тебя навещать.

– Это наша новая жизнь, – сказал вечером Миша, открывая бутылку любимого Лелиного вина. – Ты не пожалеешь.

Он подошел близко-близко, взглянув Леле в глаза, и ей вдруг показалось, что его взгляд – изучающий, немного тяжелый – проникает в самую душу. По позвоночнику пробежал холодок, и она отвела взор. Моргнула, а когда снова посмотрела на Мишу, то никакой неловкости не ощутила.

На следующий день Леля с Мишей отправились на новоселье к друзьям.

– Что подарим ребятам? – спросила она. – Вкусное к столу – это понятно, но хочется же еще что-то подарить. Давай заедем в магазин...

Леля хотела сказать «Новый дом» – громадный супермаркет, в котором продавалось все, от мебели и сантехники до штор, светильников и посуды. Она периодически покупала там разные мелочи для своей квартиры, любила бродить между рядов, отыскивая интересные вещицы.

Но Миша остановил ее:

– Я уже все приготовил, котенок. – В последнее время он стал звать ее так, и Леля еще не решила, насколько ей по душе это ласковое прозвище. – Я знаю, что Илюха давно хотел кухонный светильник, такой, что висит над столом, и купил в IKEA. Мне кажется, им всем понравится.

– Да, конечно, – слегка растерявшись, ответила Леля.

С одной стороны, это хорошо, что Миша обо всем позаботился. Да и потом, он отлично знает Илью, они почти братья, вот и купил то, что наверняка ему понравится. Томочка тоже против не будет, а уж про тетю Иру говорить нечего: она рада всему, чему рад Илья.

Но, с другой стороны, Миша мог бы и посоветоваться с Лелей, прежде чем покупать. Они могли выбрать подарок вместе, а тут получилось, что ее отстранили от участия.

– Прости, тебя обидело, что я сам купил подарок? – пронищательно заметил Миша. – Я как-то не подумал.

Он был расстроен, и собственная досада показалась Леле глупой и надуманной. Что это она, в самом деле?

– Нет, конечно! Это мелочи! Ты все правильно сделал, подарок выбрал отличный. – Девушка поцеловала Мишу. – Они точно будут в восторге.

Леля оказалась права: Томочка и Илья нарадоваться не могли светильнику, тетя Ира тоже довольно мычала, улыбалась, кивала головой, всем своим видом давая понять, как ей нравится.

Миша, словно Дед Мороз, доставал из пакета и выставлял на стол огромный торт, бутылку шампанского, коробку шоколадных конфет.

– Куда вы столько всего притащили? – округляла глаза Томочка.

Самой последней Миша извлек довольно большую синюю

картонную коробку, перевязанную нарядной белой лентой. Леля удивленно смотрела на нее: она понятия не имела, что внутри, не видела, чтобы Миша брал коробку из дома.

– А напоследок – небольшой сюрприз. Немного необычный, но, надеюсь, вы оцените и вам понравится! – сказал Миша, протягивая коробку сразу всем троим новоселам. – Что-то вроде оберега для вашего нового дома.

Илья и Томочка удивленно переглянулись, тетя Ира, неуверенно улыбаясь, смотрела на лучшего друга сына. Должно быть, от растерянности никто из них так и не взял коробку из рук Миши, и он поставил ее на стол рядом с угощениями.

Пока Миша развязывал бант и открывал крышку, все с любопытством следили за его действиями.

– Боже мой! – ахнула Томочка.

Леля смотрела на то, что лежало внутри, и не могла сообщить, с чего бы Миша решил преподнести Илье, его маме и Томочке куклу? Разве он когда-либо принимал всерьез эту ересь про талисманы, обереги и амулеты?

Кукла, к слову, была великолепная, явно ручной работы, наряженная в длинное пышное платье старинного покроя с оборками и тонкими кружевами. Блестящие темные волосы выглядели натуральными, яркие голубые глаза на красивом розовом личике казались живыми. В обычном универмаге такую красавицу не купишь.

– Я однажды случайно увидел эту куклу в витрине мага-

зина сувениров. Правда, она чудо? Ее, кстати, зовут Габриэла. Но дело не только в том, что она на редкость красивая. Продавец сказал, эта кукла – волшебная. – Миша улыбнулся. – Она дарит хозяевам дома гармонию и душевный покой. А того, кого полюбит больше остальных членов семьи, может даже исцелить от всех хворей, вернуть ему здоровье.

«Он говорит так, будто верит в это!» – подумала Леля, а Миша закончил:

– Так что пусть Габриэла вам поможет, если сможет.

Глава шестая

В ночь перед отъездом в Москву Леле приснился жуткий сон. Настолько реалистичный и страшный, что она проснулась от собственного громкого крика и никак не могла сообщить, где находится.

– Тише, тише, котенок! Все хорошо, я здесь, с тобой, – говорил Миша, прижимая ее к себе и баюкая, как ребенка. – Не бойся.

Он включил ночник, и уютная комната осветилась теплым золотистым светом. Хотя в окружающей обстановке не было ничего пугающего, Леля все никак не могла успокоиться.

– Ты вся дрожишь, – озабоченно проговорил Миша и плотнее укутал девушку одеялом, заботливо обнимая за плечи. – Это был всего-навсего дурной сон. Может, теплого молока тебе принести? Или хочешь какао? Я сварю. – Он знал, что это любимый Лелин напиток.

Ее глубоко тронуло Мишино желание помочь.

«Как сильно я люблю его», – подумала Леля и тут вспомнила, что минуту назад видела, как Миша...

– Господи, до чего же жуткий кошмар! – вырвалось у нее. – Что тебе снилось? Расскажешь?

«Нельзя никому рассказывать страшные сны! – когда-то говорила мама. – Вытащишь наружу».

Но это суеверия. Кошмарные сны – кривое отражение ре-

альности. Или результат слишком большой порции тяжелой еды на ночь.

– Я видела дом. Большой такой, кирпичный, с верандой. Кажется, была зима, и вокруг – никого. На веранде стояло кресло с высокой спинкой, а в нем кто-то сидел. Какая-то женщина.

– Ты ее знаешь?

– Мне кажется, нет. – Леля задумалась. – Не знаю, вроде бы. И дом незнакомый. Женщина сидела спиной ко мне. Я подошла ближе, хотела позвать, тронуть за плечо, но случайно коснулась ее головы. И тут она... голова отделилась от туловища! Представляешь? Взяла и отвалилась, покати-лась по полу! Я закричала, а потом смотрю – голова-то не ее, а... – Она поглядела на Мишу. – Твоя. Это ты там сидел! Я даже одежду твою узнала: куртку, ботинки замшевые, джинсы. Никакой женщины больше не было – только ты!

– Это, наверное, потому что я потерял от тебя голову, – пошутил Миша, но Леля не поддержала шутки.

– погоди, ты не дослушал! Потом я каким-то образом очу-тилась в доме. В комнате стоял большой круглый стол, старомодный, с толстыми ножками, покрытый белой скатертью. А за столом ребята сидели – Томочка, Илья. И еще тетя Ира. Я вошла, и все сразу на меня посмотрели.

Леля вспомнила эти взгляды: строгие, требовательные и при этом грустные. Лица, что смотрели на нее, до сих пор стояли перед глазами.

– Я спросила, зачем они сюда пришли, почему уселись за пустым столом? Что это вообще за место? Но никто ничего не ответил. Я подошла ближе, и тут их головы... Господи! Они стали отваливаться одна за другой, как будто кто-то невидимый стоял за их спинами и срубал их! Из обрубков шеи начинала бить кровь, капли попадали мне на лицо, я вся была в их крови! Боже мой!

Леля почувствовала, что вот-вот заплачет, и Миша тоже это понял, потому что заговорил нарочито бодрым и уверенным тоном, чтобы не дать ей раскиселиться окончательно:

– Я знаю, почему тебе снится всякая чушь. Ты завтра уезжаешь и потому нервничаешь. Или даже боишься, хотя сама не сознаешь. Такое бывает.

Возможно, Миша был прав. Самой поездки Леля не боялась, а вот уезжать ей не хотелось.

Целых десять дней без Миши! Поездом туда и обратно, почти неделя в чужом, неприятном городе. Прежде она любила Москву, даже хотела одно время переехать туда жить, но теперь ее совершенно не тянуло в столицу.

Однако ехать нужно было: возникли кое-какие рабочие вопросы по проекту, над которым Леля работала в Москве осенью. Отказаться – никак. Да к тому же мать прилетала на два дня со своим итальянским бойфрендом, хотела повидаться, говорила, что все так удачно совпадает, будто нарочно.

– Опять нам придется расставаться, – вздохнула Леля.

– Надеюсь, ты там не загуляешь, не перехочешь со мной жить. – Миша поцеловал ее в висок.

– Даже не надейся, – улыбнулась она.

Эмоции от пережитого кошмара постепенно улеглись, и, хотя сцены из сна еще не забылись (и вряд ли забудутся), острота восприятия пропала. Это всего лишь сон – так чего о нем думать? Вещих снов Леля никогда не видела, смысла в них искать не пыталась.

Да и какой тайный смысл можно усмотреть в этой дичи?

Наутро девушка не вспоминала о своих ночных видениях. День отъезда был суматошным и пролетел быстро. Миша провожал ее на поезд, и она, притихшая, все еще не смирившаяся с необходимостью поездки, думала только о том, как хочет скорее вернуться назад.

Глядя на стоящего на перроне Мишу, который махал ей рукой и рисовал в воздухе сердечки, Леля вспоминала, как позавчера ходила в гости к его родным.

Душевный семейный вечер. Гостеприимный дом, вкусная еда, неспешные разговоры, любящие взгляды, остроумные шутки. Раньше Леля не особенно любила такие степенные посиделки, но Мишин отец ей нравился, да и было во всем этом своеобразное, недавно открытое ею очарование.

Юрий Олегович спал и видел, чтобы Леля с Мишей поженились. Они много лет дружили с Лелиным дядей, так что будущий брак был похож на династический союз. Против подобного положения вещей Леля всегда рьяно протестовала,

но – вот так гримаса судьбы! – влюбилась в одобренного дядей и матью человека.

После ужина они в какой-то момент остались с Юрием Олеговичем наедине, и тот сказал:

– Не нарадуюсь на Мишку. Это ты на него так влияешь, дорогая моя.

– Вряд ли. – Леля вспомнила Мишу на больничной койке. – Мне кажется, болезнь его изменила.

– Возможно, что и так. На грани человек побывал. Даже за гранью. – Юрий Олегович покачал головой, отгоняя тяжелые мысли о днях, когда они все дежурили возле реанимации. – Как бы то ни было, Мишка совсем другой стал в последнее время. Навоевался, видно. Уверенный, спокойный. – Матвеев-старший доверительно понизил голос: – Он ведь у меня, по правде сказать, просто живой огонь. Вечно я ждал, чего он выкинет. Хороший парень, умный, но шепутной, норовистый.

Леля улыбнулась.

– Он тебе говорил, как в участковых оказался? – Леля согласно кивнула. – Ну, вот. Это же скандал был: так себя повести! Такую штуку с генералом отчебучить!

Юрий Олегович повертел в руках бокал с вином.

– Но, с другой стороны, может, оно и к лучшему. Подумал, взвесил, понял, что в жизни за все приходится платить. – И тут же безо всякого перехода спросил: – Он тебе говорил, что собирается работу поменять?

Леля не знала, можно ли говорить об этом отцу Миши, он ее не предупреждал на этот счет.

– Говорил, подумывает об этом.

Юрий Олегович удовлетворенно кивнул.

– Мы с ним вчера разговаривали, он у меня совета просил. Говорит, хочет уйти из участковых. Давно пора, между нами-то. Сказал, хочет в адвокатуру. Я, конечно, со своей стороны сделаю все...

Матвеев-старший углубился в рассуждения о том, что предстоит сделать, как Мише следует поступить, к кому он сам обратится, а Леля, потеряв нить и лишь согласно кивая, с удивлением думала, что Миша, судя по всему, изменился куда сильнее, чем ей казалось.

Посоветовался с отцом? Попросил задействовать его многочисленные связи? Решил стать адвокатом? Вроде бы говорил, что его привлекает сыскная работа.

Но, с другой стороны, карьера адвоката куда безопаснее, чем работа следователя. И к тому же перспективнее, наверное. Да и от помощи родного отца зачем отказываться? Миша поступил правильно, думая о будущем – и своем, и Лелином.

– Тебя что-то беспокоит? – внезапно спросил Юрий Олегович.

Она принялась уверять: ничего такого, ему показалось, с чего бы ей волноваться? Вскоре разговор прервался, потому что в комнату вошла Олеся, мачеха Миши, а вслед за нею

и он сам.

Сейчас, когда Лелю и Мишу разделяло стекло вагона, когда он оставался, а она уезжала, девушка вдруг поняла, что солгала вчера Юрию Олеговичу.

Ее в самом деле кое-что беспокоило, и отец Миши почувствовал это. Почувствовал потому, что сам тоже тревожился! Им, любящим его, казалось, будто Миша что-то скрывает.

«А если у него проблемы со здоровьем?» – испуганно подумала Леля.

Возможно, он не хочет говорить об этом ей и отцу, чтобы они не волновались! Отсюда и желание сменить работу на более спокойную.

Поезд тронулся с места, и у Лели все внутри перевернулось. Отъезд показался глупостью, ошибкой, которую нужно исправить. Захотелось выпрыгнуть на перрон, остаться, ведь тут, в Быстрорецке, было ее сердце, был человек, без которого она не мыслила своей жизни.

Миша улыбался, а Леле захотелось плакать. Слезы набегали на глаза, и она сморгнула их, чтобы он не заметил, не расстроился.

«Пока! Люблю тебя!» – прочла по губам Леля, и вмиг ей вспомнился ночной кошмар: незнакомый дом, веранда, отрубленная Мишина голова, неподвижно сидящее в кресле обезглавленное тело. Застывшие лица друзей, кровавые брызги...

Что, если это было предчувствие? Предостережение?

Нелепая, жуткая мысль резанула ее: «Я не увижу его больше!»

Поезд ускорял ход, вагоны раскачивались, перестук колес становился все громче. Миша какое-то время бежал по перрону, махал Леле, улыбался.

Вскоре перрон кончился, Михаил отстал, остался далеко позади.

«Я не увижу его больше, никогда не увижу!» – стучало в висках, и Леля расплакалась. Заснуть той ночью девушке так и не удалось. Впрочем, она всегда дурно спала в поездах.

Суетливые московские дни летели быстро и бестолково, но, в общем-то, не бесполезно. Да и маму – красивую, загорелую, переполненную искрящимся солнечно-итальянским счастьем – повидать было здорово.

Леле хотелось рассказать ей, что она, наверное, совсем скоро выйдет замуж за человека, которого любит больше всего на свете, но она молчала, потому что боялась сглазить свое выстраданное счастье.

Жгучий, тоскливый страх, испытанный Лелей на вокзале, давным-давно отступил, растворился в столичном блеске, стал выглядеть абсолютно бессмысленным. Миша звонил каждый день, они не просто слышали, но и видели друг друга, общаясь в Сети. И все равно, даже видя и слыша его, Леля скучала по Мише, хотя, конечно, это была в каком-то смысле приятная, томная тоска, смешанная с предвкушением дол-

гожданной встречи.

Весна с каждым днем набирала обороты: расплавленное золото лилось с пронзительно-синего неба, обманчивое тепло заставляло распахивать куртки и снимать шапки. Казалось, все кругом ликует и радуется, готовится вступить в новую фазу; а еще думалось, что в пору, когда жизнь так прекрасна и победительно-светла, просто не может приключиться ничего плохого.

Однако оно все же случилось.

Часть вторая. Томочка

Глава первая

– Никакой у нас романтики. Тебя, наверное, это обижает, – сказал он. – Свадьбы еще не было, а быт уже есть.

Томочка поднялась на цыпочки и потерлась носом о его щеку.

– Не говори глупостей. Все у нас отлично, и ничуть я не обижаюсь. Было бы на что. А насчет быта... Если так отлично устроилось, что мы смогли все купить-продать и съехаться, так что теперь: специально надо было тянуть с заключением сделок?

Илья сел в кресло, которое стояло в их спальне, и потянул Томочку за собой. Теперь она сидела у него на коленях.

– Мне так повезло, что ты у меня есть. Как я сразу не разобрался?

– Дурачок потому что, – фыркнула Томочка и засмеялась. – Ты меня щекочешь!

Они перевезли в новую квартиру все вещи, которые собирались забрать, но, поскольку прежние их жилища были меньше, да и часть вещей решено было не перевозить, тут было немного пустовато. Впрочем, Томочке так даже больше нравилось: просторно, светло. Заставить все мебелью всегда

успеется.

Многие вещи пока лежали в коробках и тюках: новоселы еще не успели их разобрать. Томочка собиралась заняться этим в ближайшие дни.

– Я же вижу, ты куksiшься. – проницательно заметила она. – Что не так?

– Бросать вас одних не хочу. Маму на тебя вешать...

– Ты и не вешаешь! Она сама молодец, справляется, – перебила Томочка.

– ...и не ехать не могу, – договорил он.

На днях Илью повысили в должности. У них в редакции случилась перестановка: Иван Данилович, владелец журнала, который был и главным редактором, но давно уже ничем по сути не занимался, уехал жить в какую-то южную европейскую страну, назначив главредом Щеглова. А старую щегловскую должность ответственного секретаря предложили Илье.

Это была значительная прибавка к зарплате, плюс он, конечно, продолжит писать, так что заработки его увеличатся. Правда, и нагрузка возрастет, и обязанностей прибавится.

Приказ о вступлении в должность был уже подписан, а пока шеф велел ехать в Екатеринбург, писать серию заказных рекламных статей об одном крупном уральском предприятии. Отказаться никак нельзя: Иван Данилович ведь может и передумать насчет повышения.

– Поезжай спокойно, – сказала Томочка. – Леля вчера то-

же уехала. В Москву. Вернется примерно тогда же, когда и ты.

– Сходим все вчетвером куда-нибудь, – пообещал Илья, подумав, как удачно сложилось: их с Мишей девушки тоже подружились.

Илья улетел во вторник. А на следующий день начался кошмар, которого Томочка и представить себе не могла. Хотя, если подумать, начало было положено уже вечером.

Вернувшись с работы, Томочка приготовила ужин, а потом прибралась на кухне и пошла в комнату Ирины, узнать, не надо ли чего.

Женщина сидела на кровати и, увидев вошедшую Томочку, улыбнулась, протянула здоровую левую руку, похлопала рядом с собой: «Садись!»

Они поладили на удивление хорошо и быстро. Наверное, сыграло роль то, что Томочка никогда не видела мать Ильи до инсульта (он не знакомил их), не знала, какой она была прежде: сильно пьющей, опустившейся, грубой, безразличной, а порою и жестокой к единственному сыну.

Мише, например, который видел, как тяжело жилось Илье с такой матерью, было трудно поменять свое отношение. Однако и он постепенно стал относиться к Ирине иначе, увидев, что она раскаивается, всеми силами пытается заслужить прощение и любит сына.

Томочка же с первого дня видела больную пожилую женщину, которая старается встать на ноги, чтобы не быть обу-

зой Илье. Видела любящую мать, для которой сын – свет в окне. Видела полный бесконечной преданности взгляд, которым она смотрела на Илью.

Девушку трогало то, как Ирина скучала по сыну, как стремилась заслужить его одобрение – и эта любовь к одному человеку объединяла двух женщин, старую и молодую.

Сейчас, глядя на нее, Томочка понимала, что Ирине тоскливо без Ильи, что она волнуется за него и, сама тоже тоскуя и переживая, решила, что им надо отвлечься.

– Давайте-ка мы эти завалы разберем. – Она указала на громоздившиеся в углу картонные коробки. – Хотите?

Даже если Ирина и не хотела, все равно улыбнулась и кивнула.

Томочка подтащила к ней первую коробку, открыла и увидела, что внутри – летняя одежда и обувь. Гардероб был весьма скромный, но девушка доставала платья, блузки, брюки, вешала на плечики, раскладывала по полкам, попутно комментируя: «Мой любимый цвет», «Ничего себе, смелый фасончик!» и все в таком духе.

Ирина втянулась, отвечала: говорить она не могла, но Томочка научилась понимать ее. Покончив с первой коробкой, взялись за вторую, поменьше, заполненную какими-то безделушками и сувенирами. Они по очереди рассматривали все подряд, Ирина поясняла: «Илюша подарил», «Купила в Сочи», «Привезла из Москвы». Если Томочка не могла понять, Ирина писала в «разговорном» (так Илья придумал его

называть) блокноте: выводила печатные буквы левой рукой.

Когда очередь дошла до третьей коробки с сокровищами, за окном уже стало темнеть, и Томочка отметила про себя, что скоро Ирине пора принимать лекарство и ложиться спать.

– Отлично мы с вами время проводим, правда?

«Правда. Ты очень хорошая».

– Вы тоже ничего себе! – великодушно проговорила Томочка, и обе засмеялись.

Девушка открыла третью коробку. Внутри покоились разноцветные тряпки, парочка фотоальбомов, которые Томочка решила пересмотреть с Ириной в один из вечеров. А сверху лежала синяя коробка, перевязанная белой лентой. В первый момент Томочка не поняла, что это такое и откуда: очень уж резко контрастировала новая упаковка со всем остальным содержимым коробки. Но тут же вспомнила: это ведь Мишин подарок!

На днях, когда ребята приходили на новоселье, Илья сунул коробку с куклой в кучу вещей (они тогда еще почти ничего не успели разобрать), да и забыл про нее. Они все позабыли – это было даже не вполне естественно, если вдуматься.

Кукла будто спряталась от них до поры до времени. А теперь вот нашлась.

Томочка вытащила ее, восхищенно рассматривая игрушку: роскошные волосы, яркие глаза, изысканное платье. Ноги, руки и лицо у нее были твердые – возможно, это фарфор,

а может, керамика или еще что-то похожее, тело же было набивным, изготовленным из мягкого, приятного на ощупь материала.

Увлеченная изучением куклы, Томочка не заметила, что лицо Ирины мучительно исказилось, точно от боли. Женщина вцепилась здоровой рукой в покрывало и стиснула его так, что костяшки побелели. Прикусив губу, она смотрела на куклу в Томочкиных руках с ужасом и отвращением.

– Правда, она чудесная? – проговорила Томочка, поворачиваясь к маме Ильи. – Составит нам компанию! Миша...

Она, наконец, заметила, что с Ириной что-то творится, и обеспокоенно спросила:

– Что такое? Вам плохо? Где болит?

Томочка подошла ближе, держа куклу, и Ирина отшатнулась от нее.

«Убери!»

– Что? – не поняла Томочка.

«Кукла. Убери ее!»

– Вам не нравится? – удивилась Томочка.

«Выброси ее! Это плохая вещь! Злая».

Половину этих слов опешившая Томочка разобрать не смогла, но поняла: прелестная кукла по какой-то причине не по душе Ирине. Девушка поспешно засунула игрушку обратно в коробку.

Ирина схватила «разговорный» блокнот и принялась что-то писать. Томочка терпеливо ждала. Женщина торопилась,

поэтому получалось плохо. Руки ее подрагивали от напряжения, буквы разбегались в разные стороны, но все же прочесть написанное с таким трудом было можно. Когда Ирина протянула ей блокнот, Томочка прочитала выведенный без точек и запятых текст: «Выброси это не кукла, а демон бес нежить я боюсь страшная как зверь хочет сожрать меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.